

Адольф ДОБРЯНСКИЙ

О ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦАХ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ СО ВРЕМЕН СВ. ВЛАДИМИРА

Из летописи преп. Нестора известно, что Русь граничила в X в. на юго-западе с Польским, Чешским и Угорским государствами: «и бѣ живя съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угръскимъ, и съ Андрихомъ Чешьскимъ, и бѣ миръ межю ими и любы» (Лавр. лѣт. по изданию 1872 г., стр. 124). Но начальная летопись не указывает черты, по которой граничила земля Русская с Польскою, Чешскою и Угорскою: летописец довольствовался исчислением русских племен: словян, полян, древлян, дреговичей, полочан, северян, кривичей, бужан, радимичей, вятичей, дулебов, улучей или угличей, тиверцев и белых хорватов, без точного определения их географических границ. Не удивительно, что и позднейшие русские историки не имели ясного понятия о древних границах Юго-Западной Руси: к тому же она разделилась на несколько частей, из которых Подкарпатская под гнетом угров и поляков не имела возможности разрабатывать свою старину и поддерживать старые предания. Русь же Восточная привыкла смотреть на подкарпатские области, как на утраченное достояние русского племени, особенно со времен введения в них унии и утверждения господства польского и мадьярского. Между тем, для полноты понимания русской истории необходимы точные сведения о юго-западных границах древней Руси. Предлагаемая статья имеет целью разъяснить хотя бы некоторые стороны этого вопроса.

I.

Как далеко ни лежит теперь за пределами Руси город Краков, однако в старину, в X веке, он был пограничным польским укреплением, расположенным близ русской границы, пролежавшей примерно от Бохни через Тымбарк к Новому Торгу, а далее по гребням Татр. Доказательство такого направления древней русско-польской границы можно привести следующее:

1. В сообщенной Мураторием древней грамоте времен Мечислава I (970-990 гг.) Краков помещается на границах Руси: *et fines Russiae usque in Cracoa* (см. В. А. Мацеевского: *Pierwotne dzieje Polski i Litwy*, 1846, стр. 374).

2. В описании путешествия на Волгу доминиканца Рикарда при Беле IV (1235-1270 гг.) упоминается *dux magnae Sandomiriae, quae est terra Ruthenorum* (см. Pray, *Dissert. De Hung.*, p. 316: *Deserici, De initiis Hung.*, I, 170).

3. В грамоте польского короля Казимира Великого от 1344 г. упоминается русский город Ржешов; *oppidum Rzeschoviense cum suo toto districtu in terra Russiae situm, secundum quod antiquitus per serenissimos duces Russiae extitit limitatum* (см. L. Ryszczewski, *Cod. diplom.*, I, 204). Известно, что город Ржешов лежит на западной стороне не только р. Сана, но и Вислока, то есть на этнографическом поле польского племени.

4. В грамоте того же короля от 1348 г. и городок Роги с г. Кросно, лежащие к западу от рр. Сана и Вислока, помещаются также в Русской земле: *villa nostra vulgariter dicta Rogi in terra Russiae prope Krosno* (см. *Libri foundationum*, tom. CI, pag. 100, во Львовском земском суде).

5. В грамоте Владислава Ягайлы 1434 г. город Яслиска, расположенный западнее р. Сана, причисляется с окружающими его селениями к Руси: *in terra Russiae et districtu Sanocensi* (из грамот г. Перемышля, под 1775 г.).

6. В докладе Западнорусской униатской иерархии к папскому нунцию о состоянии церковных дел в землях западнорусских город Судец (*Sandecium*, пол. Сонч) причисляется к Руси, именно к русской Перемышльской епархии, подобно Спишу и многим другим городам подкарпатским. Приводим соответствующее место доклада: *Episcopatus Premisliensis amplissimus, nobiles in eo quamplurimi Rutheni, si omnes essent obedientes ter mille numerarentur parochiae. Sed inquietissimus, a 50 enim annis unitorum cum schismaticis perpetua ibi est concertatio. Unus episcopus cathedra pulsus toties et toties, iterumque eam recepit. Nuperus vero mortuus per 12 annos episcopatum regens in villa debuit propria cathedram locare. Extollitur hic episcopatus in longum latum plus quam 100 milliaria germanica, nam etiam Hungariae nonnullae (partes) et Scepusiensis capitaneatus non procul Cracovia civitate ad eum pertinet. In hoc episcopatu economia regia Samboriensis, aliquot supra decem civitates continens, ad 400 autem villas. In hoc sita Premislia civitas celebris et nova Samboria, bene ambae munitae, Jaroslavia, Sanocia, Sancia et Stryi, aliaeque regales civitates cum capitaneatibus, plurimaque oppida dominorum, millenae villae. In hoc plurimi sunt schismatici, et ideo mirabilia perpepsi uniti, ut ex infra dictis patebit* (см. *Harasiewicz Annales ecclesiae ruthenae. Leopoli. 1862, p. 303*).

7. В грамоте Болеслава, князя Краковского и Судомирского, от 1255 г., при пожаловании Краковскому епископу и капитулу нескольких селений в земле Судецкой (Сандецкой) нужным считалось полу-

чение на то согласия бывшей королевы Галицкой Соломеи: *interventu venerabilis sponsae Christi germanae sororis videlicet Solomeae quondam Galiciae reginae* (Pray, *Annales R. N. I*, 297). Это обстоятельство объясняется принадлежностью пожалованных поместий к Русскому государству.

8. По свидетельству минорита Константина Малегорского, монастырь *fratrum minorum* в Новом Судеце (*Sandecium*) владеет образом Спасителя, написанным на дереве св. Лукой и подаренным русским князем Львом одному карпатскому отшельнику, жившему на том самом месте, где теперь стоит вышеозначенный монастырь: *Habet iste conventus clenodium spirituale, hoc est faciem Domini nostri Jesu Christi graeco penicillo a S. Luca in tabella lignea depictam, quam cum Leo princeps Russorum ab imperatore orientis Constantinopoli dono accepisset, uni pio et sancto eremitaе, ad montes Carpatos angelicam ducenti vitam, propter fructum spirituales donavit. In hocce loco, ubi iste duxit vitam eremiticam, extat conventus P. P. Minoritarum et civitas Neo Sandecensis* (Bardossy, *Suppl. anal. Scepusii*. 162 p.). Нельзя допустить, чтобы русский князь подарил такую святыню монаху не православному, а латинскому, который не мог бы даже встретиться с русским князем, если бы Судецкая земля лежала вне Руси.

9. Мартин Кромер (ум. 1589 г.) причисляет к Руси город Лежайск, расположенный к западу от р. Сана (см. *De situ Poloniae*, в Собрании Мицлера, I, 124).

10. Матвей Стрыйковский в своем сочинении «*Sarmatiae Europaeae description*» (1578 г.) причисляет к Руси город, лежащий западнее и р. Сана и р. Вислока (см. Собрание Мицлера, I, 59).

11. Краковский прелат Ян Красинский (ум. 1612 г.) в своем сочинении «*Polonia*» (Собрание Мицлера, I, 418) положительно утверждает, что граница Руси и Польши находится близ г. Кракова: *Roxolania... Carpathios montes non longe ab urbe attigit Cracovia*.

12. Все угорские и немецкие писатели времен разделов Польши причисляют всю Австрийскую Галицию к древней Руси, за исключением воеводств Освецимского и Заторского, лежащих к западу от Кракова и входивших в состав областей чешской короны (см. Pray, *Per. Aust. P.* 424; F. A. Kollar, *Vorläufige Austrührung der Rechte des Königreichs Hungarn*, Wien, 1772; Palma, *De titulis Mariae Theresiae*; Joh. Gottfr. Einhorn, *Weltgeschichte*, V, 194; Fessler, X, 189; Emil Janitsch, *Geschichte der deuts. österr. Monarchie*, VI, 245; Ch. W. Koch, *Jurium Hungariae in Russiam Minorem et Podoliam, Bohemiaeque in Osvicensen et Zatoriensen ducatum praevia explication. Vindobonae 1773*).

13. В грамоте Марии Терезы 15 ноября 1773 г., призывающей жителей Галиции и Лодомерии, а равно воеводств Освецимского и

Заторского, к присяге верноподданства, делается ссылка на исторические права королевы Угорской на две первые области, а королевы Чешской – на две остальные: *Posteaquam spectatis intuitu regni Hungariae et Bohemiae coronae nostrae competentibus Nobis in varias Poloniae provincias juribus... quas illa (M. Theresia) secundum litteras suas patentes 11 Septembris 1772 publicatas occupari jussit, tamquam vindicatum aequivaleus omnium praetensionum e regherum suorum Hungariae et Bohemiae antiquissimis juribus derivatarum.* Из этого видно, что вся Галиция была разделена составителями этой грамоты на две части, русскую и чешскую, из которых последняя охватывала лишь области к западу от Кракова.

14. Подобный взгляд на принадлежность к Руси всей Галиции к востоку от Кракова выражен и в трактате, заключенном 18 сентября 1773 г. между Австрией и Польшей, именно во 2-й его статье.

15. В титуле австро-угорских государей также находим признание русского, а не польского характера всей Галиции. Кроме Кракова и Освецима с Затором император титулуется *rex Galiciae et Lodomeriae, dux Osvicinensis et Zatoriensis*, а с 1846 г. и *dux Cracoviensis*, но о Польше во всех этих титулах нет упоминаний. Очевидно, для последнего не находилось никакого основания, так как в противном случае государи, ревниво сохраняющие в своих титулах упоминание Лотарингии, Прусской Силезии, Иерусалима и множества мелких графств и областей, не упустили бы прибавить к ним: *partium Poloniae dominus et haeres*, если бы к тому представился хоть слабый повод.

16. Последним и самым убедительным доказательством распространения древней Руси до самого Кракова служит то, что и теперь русское население начинается в Галичине от самого Дунайца под Татрами, в близком расстоянии от Кракова, где находятся русские селения: Шляхтова, Яворки, Черная-вода, Белая-вода, Зубрик, Верхомля-великая, Верхомля-малая, Ростока-малая, Золотное, Чачов, Матеева, Котов, Богуша, Королевка-русская, Бинчарова, Флоринка, Ласкова, Лоси, Белянка, Мушина-малая, Мушина-великая, Боднарка, Теклин, Клопотница, Пильгримка, Маркова, Березова, Скальник, Куты, Ивля, Хирова, Торстяна, Завадка, Балудянка, Волька, Лядин, Вороблик, Беска и т.д. Вообще между реками Дунайцем и Вислоком находится 172 русских селения с 129 русскими церквями и свыше 90 000 русских жителей. Неужели все это русские колонисты на польской этнографической области? История ничего не знает о подобной колонизации. Известно лишь то, что в прежнее время число этих подкраковских русских было гораздо больше нынешнего, так как значительная их часть была окатоличена и смешалась с мазурами и горальями, подобно тому, как на южных склонах Бескида Русь смешалась и отчасти

слилась со словаками. Еще в 1660 г., по донесению Перемышльско-го епископа Станислава Сарновского папе Александру VII, в Перемышльской епархии насчитывалось до 3 400 русских приходов с 3 миллионами русского православного населения; теперь их не более 800 000, а с Русью Угорскою, входившею прежде в Перемышльскую же епархию, до 1 ½ миллиона.

Ввиду всех этих данных нельзя не согласиться с мнением галицкого историка Дионисия Зубрицкого, что древняя Русь простиралась до самого Кракова, который сам построен, по его мнению, на почве исконно русской (*Die Gränzen zwischen der russisechen und polnischen Nation in Galizien. Lemberg, 1849*).

II.

Определив на основании грамот, хроник и других данных исторических, географических и этнографических, что древняя граница Руси от племени польского доходила в нынешней Галичине до линии от Кракова до Татр, мы переходим к рассмотрению ее продолжения в Угорщине, причем предполагаем доказать, что нынешний Спиш входит в состав земель искони русских, составляет часть наследия св. Владимира.

В самом деле, в состав древнерусских племен входили хорваты (белые), как о том свидетельствует Нестор: «и живаху в мирѣ поляне... и хорвате» (Лавр. лѣт. по изд. 1872 г., стр. 12); «иде Олегъ на грекы, поя же множество варягъ и словень... и хорваты» (ib. 29); «иде Володимиръ на Хорваты» ((ib. 119). На этом основании и Карамзин, и Соловьев причисляют белых хорватов к составным племенам древней Руси (Ист. Госуд. Росс., изд. 1842 г., I, 19. пр. 77; Соловьев, Ист. Росс. 1857 г., I, 48).

Но где жили в старину эти белые или русские хорваты? Мы предполагаем, что они занимали середину Карпат или Бескидов, то есть от линии как северные, так и южные склоны этих гор, между Краковом и Остригоном (*Strigonium, Gran*) на северо-западе до Тисы и Сама (*Samisius, Samosch*) в Угорщине и Семиградье и старой границы между Валахией и Молдавией на юго-востоке.

Но возвратимся к земле Спишской. Болеслав I, король Польский, заняв в 1018 г. Червенские города (Лавр. лѣт., стр. 140), то есть Перемышль и др., не мог не овладеть одновременно с тем и всей русской областью между Перемышлем и Краковом, а следовательно, и Спишской землей, но вся эта область опять была возвращена в 1031 г. великим князем Ярославом (Лавр. л., 146). Недолго, впрочем, Спиш оставался затем в соединении с Русью, он отошел вскоре к полякам, по одним предположениям в 1069 г. (Карамзин, II, 45), по другим же,

более невероятным – в 1102 г. вследствие выхода княгини Сбыславы Святополковны за короля Польского Болеслава (Лавр. Л., 266). Во всяком случае, около 1108 г. Спиш находился в руках последнего. В этом году, по рассказу Кромера (*De orid. Pol. 1. V*), в Спише происходил съезд Болеслава Польского с Коломаном I Угорским, причем заключен договор об обручении угорского королевича Стефана с польской княжной Юдифью (дочерью Сбыславы Святополковны), которой в приданое отдан был пожизненно Спиш: *Unde loco dieque constituto conveniunt principes in Scepusiensi territorio, societatem inter se ineunt, communes amicos, communes hostes sibi fore promittunt. Ut foedus hoc firmum perenneque sit, nova affinitate sanciunt: Colomannus enim Juditam Boleslai filiam Stephano natu majori filio suo despondit, Scepusiense territorium, quod Poloniae ditionis erat, in dotem datum.*

Это свидетельство Кромера почти дословно подтверждается и Длугошем, который прибавляет (*Hist. Pol. lib. IV, ad an. 1108*), что хотя Спиш лишь временно (*tunc*) принадлежал к Польше, однако немалая его часть состояла из земли Краковской, следовательно, Польской: *Colomannus Ungariae rex filio suo natu majori Stephano filiam Juditam Boleslai polonorum ducis desponsat uxorem, provinciam Scepusiensem, quae tunc juris polonorum fuerat et ejus non modica in terra Cracoviensi consistebat, Boleslaus filiae in dotem consignat. Ab eoque tempore sequestrata a Polonia in proprietatem et ditionem Ungarorum transiit.*

И польский хронист Матвей Меховский сообщает те же сведения (*Chron. Pol. I. III, c. 8, p. 49*): *Stephanus filius Colomanni regis natu major accepit Juditam Boleslai ducis Poloniae natam, cui pro dote assignavit terram Scepusiensem, et ab eo tempore in proprietatem Hungarorum transit*), однако прибавляет в другом месте (*c. 15, p. 57*), что не все историки называют мужа Юдифи Стефаном, но некоторые – Коломаном, венчанным в короли Галича: *hunc Boleslaum ducem tradidisse filiam suam ex ruthena genitam Colomanno alteri filio Colomanni regis Ungariae, ad coronandum eum in regem haliciansem, et non Stephano majori natu...*

Но положительнее и подробнее всех разъясняет этот исторический факт один из древнейших польских хронистов Познанский епископ Богуфал (ум. 1253). В своей хронике под 1108 г. он рассказывает, что Болеслав выдал свою дочь Юдифь, рожденную от русской крови, за угорского королевича Коломана, причем он дал ей в пожизненное владение землю Спишскую. Королевич Коломан коронован был с согласия государей Угорского и Польского в короли Галицкие. По смерти Юдифи угры отказались возвратить Польше Спиш, а обменяли его коварным образом на Перемышль, что было причиной раздоров между двумя государствами; так-то коварно отчужден Спиш

от Польши и удерживается до настоящего времени уграми! (Iste Boleslaus filiam suam de ruthena genitam Colomanni regis Hungarorum filio matrimonialiter copulavit, cui nomine dotis castellaniam de Spisz, quoad viveret, possidendam assignavit. Quem Colomannum una cum rege Hungarorum Haliciensibus in regem praefecerunt, cujus coronationem rex Boleslaus, prout erat credulus, per regem Hungariae dolose circumventus, castellaniam de Spisz Hungariae incorporandam tradidit et loco ejusdem castellaniam Premislensem nomine dotalitii filiae suae recepit. Haec autem dolositas fuit origo dissensionum inter Polonos et Hungaros, prout in sequentibus patebit. Et sic castellania de Spisz a Polonis abalienata per Hungaros usque ad praesens fraudulententer detenta occupatur.)

Из приведенных свидетельств видно, что Спишская земля в 1108 г. была подвластна Болеславу польскому и в означенном году отдана пожизненно в приданое Юдифи, его дочери от русской княжны Сбыславы Святополковны, и так перешла во власть угорских королей; после ранней смерти Юдифи угры не возвратили Болеславу Польскому Спиша, а отдали ему взамен новозавоеванную землю Перемышльскую (то есть остальные части княжества Перемышльского). Таким образом, Спиш остался в руках угорских, Перемышль же возвратился потом во владение Рюриковичей, и поляки остались ни при чем. Ясно и то, что первыми обладателями Спиша были государи русские; от нас перешла эта область к Польше, а от последней – к Угорщине.

Новейшие мадьярские историки возбудили, однако, возражение против приведенных свидетельств польских источников и утверждают, что земля Спишская уже в X в. занята была мадьярами, основываясь при этом на следующих соображениях:

1) Княжна Юдифь Болеславовна имела-де в 1108 г. не более трех лет, следовательно, не могла еще быть обручена с угорским королевичем.

2) Королевич Стефан (на угорском престоле II-й) был-де женат не на Юдифи Болеславовне, а на дочери Апульского короля Роберта Гвискара (по Туроцию, Бонфину и Ганзану) или, по другим угорским историкам (Schier, Reginae Hung., p. 100), на Аделаиде, дочери ландграфа Генриха Стефнинского.

3) По свидетельству безымянного летописца угорского (Anonymus Belsae regis notarius), мадьяры уже в X в. заняли-де с прочими угорскими землями и Спиш, который затем управлялся мадьярскими воеводами.

4) Из одной грамоты германского императора Генриха IV (1056-1106) видно-де, что уже тогда граница Угорщины и Польши проходила по Татрам, причем Спиш должен-де был принадлежать Угорщине.

5) В грамоте угорского короля Генриха I от 1198 г. говорится, что

Остригонский архиепископ Иов имеет право на десятую долю королевских доходов и в Спише, по установлению святых королей Стефана I и Владислава I, следовательно, гораздо раньше 1108 г.

6) Спиш Длугоша, Богуфала и Меховского, принадлежавший, по их словам, к Перемышльскому или Галицкому княжеству, был-де не нынешний, а, вероятно, какой-то другой Спиш, в окрестностях Перемышля или даже Галича, быть может – в Покутье, где, по уверению угорского писателя Корнидеса (*Vindiciae*, p. 286), действительно было селение Спиш, обозначенное на одной польской карте XVIII века.

В ответ на эти возражения угорских историков (например, Schier. *Reginae Hung.*; Benczur, *Ungaria semper libera*; Cornides, *Vindiciae*, Hollók, *Nexus nationis hungarae cum polonica*, *Cassoviae* 1831 и др.) можно представить следующие соображения.

1) Известно, что дети государей были в старину не только обручены, но и бракосочетаемы для политических целей в самом раннем детстве. Примеры того встречаются в истории как угорской, так и польской. Так, в 1211 г. четырехлетняя дочь угорского короля Андрея II Елисавета была не только обручена с малолетним сыном Турингского ландграфа, но и отослана тотчас к своему жениху с драгоценным приданым, подробное описание которого можно найти в житии св. Елисаветы, составленном неким Теодориком. В следующем, 1212 г. привезена была из Польши в Угрию дочь Лешка Белого Соломея с целью приготовления к браку с будущим Галицко-Владимирским королем Коломаном Андреевичем (*Vindingus ad an.* 1212, № 35, p. 353).

2) Свидетельство угорских историков о браке Стефана II на королевно Апульской или дочери ландграфа Стефнинского не противоречит данным польских хронистов о его же обручении с Юдифью Болеславовой, так как означенный король мог овдоветь и жениться вторично, как это и принимается обыкновенно историками (см., например, Гебгарди, *Allgemeine Weltgeschichte*. Brünn, 1788, I, 214).

3) Относительно летописи угорского Анонима должно вспомнить, что она написана либо при Белом III (*Bela III*, 1174-1196 гг.), либо при Белом IV (1235-1279 гг.), то есть в такое время, когда угорские короли искали повод и основания для подчинения себе Юго-Западной Руси, вследствие чего и Аноним обнаруживает желание во что бы то ни стало доказать исконную зависимость Руси от угорских королей. К тому же летопись Анонима переполнена географическими и историческими анахронизмами, например, указанием на завоевание мадьярами в IX в. городов Владимира и Галича, еще и не существовавших в то время (ср. Карамзина *Ист. Г. Рос.* I, гл. V, ст. 83, прим.). Впрочем, и Аноним угорский не причисляет Спиша к областям, завоеванным

мадьярами, напротив, рассказав о занятии ими Затисской области между рр. Керешем (Crisius) и Задьюво (Zagyva), верст на 300 удаленными от Спиша, он прибавляет, что границы угорских владений тянулись вплоть до Спишского леса: *et subjugaverunt sibi Hungari omnes habitatores terrae a Crisio usque ad fluvium Zageva et usque ad sylvam Scepus* (Anonym. *Vel. reg. notarius*, Cap. XXXII). Следовательно, и по Анониму Спиш не был завоеван мадьярами. Если же летопись угорского Анонима указывает в нескольких местах на Татры как на границу между Угорщиной и Польшей (например, в главе XVIII: *missus est Borsu filius Bunger cum valida manu versus terram Polonorum, qui confinia regni conspiceret ad montem Tatur et in loco convenienti castrum construeret causa custodiae regni*; или в главе LVII: *dux vero Zulta post reversionem militum suorum fixit metas regni Hungariae usque ad fluvium Morva (Morava) et eodem modo ex parte Polonorum usque ad montem Tatur, sicut primum fecerat regni metam Borsu filius Bunger*), то это чистейший анахронизм, так как в X столетии Угорщина еще не составляла королевства (*regnum*) и под своими воеводами не граничила ни с чехами, ни с поляками, а лишь с государством Великоморавским на севере от Остригона до Вацова на Дунае, а оттуда по Матре, рекам Тисе и Саму (*Samusius, Szamos*). Лишь по окончательном падении Великоморавского государства и по занятии его областей чехами стали мадьяры в соприкосновение с последними; когда же потом поляки вытеснили и чехов, и русских с южных склонов Карпат, то по ним прошла граница государств Угорского и Польского. Лишь со времен угорского короля св. Владислава I передвинулась эта граница к Мораве и хребтам Татр. Доказательства и подробности такого развития угорских границ будут представлены впоследствии. Но если бы мы даже принимали известия Анонима угорского за непреложную истину и считали Татры древнейшей границей Угорщины и Польши, то и тогда показания древних свидетелей о принадлежности Спиша к Руси остаются непроверяемыми, так как Спиш лежит восточнее Татр, начинаясь собственно там, где кончаются последние. Таким образом, Татры издавна составляли как этнографическую, так и государственную границу между Русью и Польшей, как они и теперь отделяют русский Спиш от польских воеводств Освецимского и Заторского; но на востоке со стороны земель русских Спиш не имеет никакой резкой физической грани: Поград соединяет его с русскими исконно областями княжества Перемышльского.

4) Из предыдущего видно, что и грамота германского императора Генриха IV (1056-1106 гг.), на которую ссылается русский писатель Бенцур в сочинении *Hungaria semper libera* (p. 65) и по которой *montes Carpatios Tatri dictos praelaudati imperatoris aeo finibus regni Hungariae*

fuisse circumscriptos, ничего не говорит в пользу древней принадлежности Спиша к Угорщине, так как Тагры лежат к западу, а не к северу от Спиша, следовательно, отделяют его от Угорщины и Польши, а не от Руси.

5) Грамота угорского короля Генриха от 1198 года (Fejer, Codex diplom., t. II, p. 324) говорит не против, а в пользу мнения о присоединении Спиша к Угорщине лишь в 1108 г. Приводим эту грамоту целиком, а не урывками, как писатели мадьярские: *In nomine S. Trinitatis et individuae unitatis. Emericus Dei gratia Hungariae, Dalmatiae, Croatiae, Ramaeque rex omnibus notificamus, quod quia sanctissimus, rex Stephanus et beatus Ladislaus rex, Hungariae reges nostri patres et praedecessores ordinaverunt accepto apostolico mandato, ut de omnibus proventibus regalibus nunc habitis et quoque modo et nomine habendis atque ampliandis, rex Hungariae, quicumque fuerit in Deo coronatus per sedem Strigoniensem, in signum catholicae fidei, decimam solvere deberet archiepiscopo Strigoniensi, a quo fidem baptismatis et coronam receperunt. Nos eadem fide, que salvari volentes. In perpetuum statuimus, quod de omnibus proventibus regalibus archiepiscopus Strigoniensis decimam ad plenum recipere debeat, prout semper receperunt. Item decimam tributorum in terra Scipis et in Posonio ipsi domino Archiepiscopo in perpetuum pro mensa sua, sicut per SS. Reges eroant donatae; item pro salute nostra et pro discordia vitanda exemplo sanctorum regum donavimus in perpetuum domum regalem in castro Strigoniensi, quae nondum fuit opere consummata, eidem Strigoniensi Archiepiscopo tamen tempore necessitates nostrae ipse dominus Archiepiscopus. Nos in eadem recipere teneatur. Datum per manus domini Katapani episcopi Agriensis, aulae nostrae cancellarii, anno ab incarnatione Domini millesimo centesimo nonagesimo octavo.* Итак, король Генрих, следуя законам своих предшественников Стефана I и Владислава I, по которым (законам) архиепископу Остригонскому принадлежит десятая доля всех королевских доходов, как бывших при названных королях, так и приобретенных позже, постановил, чтобы архиепископ Остригонский получал и впредь, как прежде, десятую часть всех королевских доходов. сверх того, король, подражая примерам предшественников, дарит тому же архиепископу десятую часть доходов со Спишской земли и города Пожуна, на расходы архиепископского стола, дарит, наконец, и королевский дом в Остригонской крепости, под условием принимать в нем в случае надобности короля. Таким образом, Спиш ясно выделен здесь от владений, присоединенных прежде, и с которых десятая выдавалась архиепископу издавна. Замечательно, что в этой, как в некоторых других грамотах, Спиш не называется комитатом, а землей Спишской: очевидно, что по случаю позднего приобретения ее Угрией земля эта не была еще

организована наподобие других частей государства. Архиепископы остригонские не получали, впрочем, со Спиша присужденного им королем Генрихом дохода, так как поселенные там угорскими королями саксы и другие жители латинского вероисповедания (*Saxones et Latini*) отдавали десятину со своих урожаев местным духовным властям (см. Wagner, *Anal. Scepus. I*, 264); коренные же русские жители Спиша упорно отказывались от платежа сборов в пользу не своего, а латинского духовенства. Архиепископы остригонские жаловались, конечно, королям на такие порядки: в 1289 году Владислав IV выдал архиепископу Владимиру подтвердительную грамоту на десятину со Спиша (см. Pray, *Specimen hierarch.*, p. I, p. 135); но она не могла иметь силы на весь Спиш, так как и краковские епископы распространяли свою юрисдикцию на спишских латинников еще в 1298 г. Последнее видно из индульгенций, данных Подолинской церкви в Спише Иерусалимским архиепископом армянского обряда Василием (*frater Basilius armenorum archiepiscopus*) и другими жившими в Риме епископами, под условием, чтобы эти индульгенции утверждены были местным епархиальным епископом Краковским, что и сделано было последним словами: *Non Ioannes dei gratia episcopus Cracoviensis ratas et gratas habentes pramissas indulgentias, praesentibus confirmamus nostrum sigillum apponentes* (Bardosy, *Supl. anat. Scep.*, p. 429 sq.). Лишь Якову, униатскому епископу в Спише (как он титуловал себя в грамотах), удалось окончательно уладить дело о доходах духовенства в Спише: в 1299 г. он, а не архиепископ Остригонский располагал десятинами даже в Подолине (Bardosy, *Supl. anat. Scepus.*, p. 432 sq.).

6) То обстоятельство, что Богуфал, Длугош и др. древние писатели связывают Спиш с княжествами Перемышльским и Галицким и с русской княжной Сбыславою Святополковною, не должно побуждать новых историков к поискам другого Спиша на востоке, в окрестностях Галича: в последнем случае трудно бы королям Угорскому и Польскому устроить свой съезд в том же Спише, который дан был Болеславом Польским в пожизненное приданое своей дочери. Да и могли Болеслав давать приданое в таких частях Руси, где в 1108 г. польские государи еще не имели никаких владений? Если же в ближайших окрестностях Галича или Перемышля действительно находилось или находится селение Спиш, то это могло бы служить лишь новым подтверждением исконного заселения Спиша русским народом, в чем вообще нельзя сомневаться.

Впрочем, северные границы Спиша и после 1108 года, то есть после включения его в Угорщину, были долгое время столь шатки, что рядом с государями Угорскими там распоряжались и владельцы Краковско-Судомирские. Так, в 1244 г. краковский и судомирский князь Болес-

лав пожаловал некоему Генриху солтыство (*scultetiam*) в спишском селении Подолине (*Bardosy, Supl. anal. Scepus.*, p. 311 sq); вдова того же князя Кунигунда в 1280 г. подарила Подолин вместе с другими селениями Судецкой земли монахиням Клариссам (*Sanctimonialibus ordinis S. Clarae in civitate Sandec. Bardosy Supl. anal. Scep.*, 157 sq); та же княгиня Кунигунда в 1288 и 1289 гг. подарила своему подолинскому солтысу (*sculteto*) лес, лежащий в земле Спишской между Подолинцом и Гнездой (*Bardosy Supl. anal. Scep.*, 285, 305). В 1292 г. краковско-судомирский князь Вячеслав (*Venceslaus rex Bohemiae dux Cracoviae ac Sandomiriae, marchioque Moraviae*) распоряжался спишскими селениями Любовня, Гнезда и Подолинец, из которых последнее велел даже укрепить (*Bardosy, Supl. anal. Scep.*, 350).

Еще в 1298 г. спишские латинники причисляемы были к епархии Краковской, как это видно из вышеуказанных индульгенций архиепископа Василия; но доходами с подвластных еще Краковскому епископу селений в 1299 г. свободно располагал уже униатский епископ Спиша Иаков. Все эти аномалии, происходившие, конечно, от отсутствия естественных границ между Спишем и прочими частями Перемышльской Руси, подтверждают сохраненный польскими хронистами факт, что Спиш поступил во владение мадьяр не ранее 1108 г. Это доказывается и полнейшим отсутствием грамот, выданных угорскими государями или другими властями духовными и светскими по отношению к Спишу: по крайней мере, Вагнер и Бардоший, собрав в своих изданиях (*Analecta Scepusii* и *Supplementa analectorum Scepusii*) множество грамот и других исторических памятников, хотя бы лишь косвенно относящихся к Спишу, не в состоянии были найти в угорских архивах ни одного подобного памятника раньше 1209 г. Между тем, для других частей Угорщины, занятых мадьярами в X или даже XI в., есть много грамот не только знаменитых организаторов Угорщины, св. Стефана и св. Владислава, но и других духовных и гражданских властей. Когда третий организатор Угорщины Белый IV (*Bela IV*) дал в 1243 г. спишским дворянам (*nobiles de Scepus, Lanceolati*), населявшим десять привилегированных русскими князьями селений, грамоту, подтверждавшую старинные льготы этих дворян (*eandem, quam ab antiquo habuerunt conservare volentes libertatem*), то угорский король не сделал при этом ни малейшего намека на своих предшественников: опущение тем более странное, что в угорских грамотах поддерживалась тенденция все прежнее возводить ко временам старым, особенно к святым королям Стефану I и Владиславу I (ср. *Bardosy, Supl. anal. Scep.*, 34 sq.).

Итак, новые мадьярские историки, оспаривающие показания древних хронистов о том, что Спиш достался Польше от Руси как при-

даное Сбыславы Святополковны, и что он не ранее 1108 г. передан Болеславом Польским уграм в виде приданого за дочь Сбыславы Юдифью, не имеют на своей стороне не то что правды, а даже правдоподобия.

Обратимся теперь к рассмотрению способа перехода Спиша от поляков к Угорщине. Все польские историки согласны в том, что Спиш лишь пожизненно дан был в приданое дочери князя Болеслава Юдифи (*quod viveret; in dotem datum, in dotem consignat, pro dote assignavit* и т.п.); если же остался во владении угорском и после смерти Юдифи, то это произошло, по словам Богуфала, следующим образом: *Boleslaus, prout erat credulus, per regem Hungariae dolose circumventus, castellanium de Spisz Hungariae incorporandam tradidit, et loco ejusdem castellanium Premislensem nomine dotalitii filiae suae recept...* *Et sic castellania de Spisz a Polonis abalienata per Hungaros usque ad praesens fraudulententer detenta occupatur.* Этого исторического факта, отмеченного Богуфалом, не оспаривает ни один серьезный историк, кроме некоторых новейших угорских писателей, ложные основания которых выяснены уже выше. Если может что-нибудь возбуждать еще сомнения в этом вопросе, так это имя угорского королевича, женатого на княжне Юдифи (см. Gebhardy, *Allgem. Weltgeschichte* XLIV, p. 206); но это мало имеет для нас значения, хотя по всему видно, что мужем Юдифи был королевич, а потом король угорский Стефан II. Во всяком случае, никто из угорских историков не указал лучшего повода для перехода Спиша из владения польского в угорское.

После смерти Сбыславы Святополковны, последовавшей вслед за соглашением поляков с уграми касательно Спиша, прекратились дружественные отношения, господствовавшие дотоле между государствами Русским и Польским (ср. *Vita S. Ottonos* L. II, с. 4; Dlugos, p. 374). Главною причиною тому было старание перемышльского князя Володаря Ростиславича вернуть занятые поляками в приданое за Сбыславой западные части его княжества, а в том числе и угорский уже тогда Спиш (ср. Gebhardy, XLIV, p. 207; Карамзин, *Ист. Г. Росс.*, т. II, гл. VII, стр. 93). Но и отношения угров к Руси были очень натянуты уже при Коломане, который, желая подчинить себе Юго-Западную Русь, потерпел в 1097 году сильное поражение под Перемышлем (Нестор, стр. 155 сл.; Карамзин, т. II, гл. VI, стр. 77); разведясь с русской княжной Евфимией, Коломан намерен был в начале 1114 г. предпринять второй поход на Русь (Gebhardy, LI, 208), но смерть 3 февраля 1114 г. (Schier, *Reg. Hung.*, p. 90) пресекла его планы. На смертном одре он заклинал, однако, своего наследника Стефана II загладить неудачи отца завоеванием Юго-Западной Руси (*Chron. Turoczuy, cap. LXIII; Pray, Reg. Hung.* P. 120; Карамзин, *Ист. Г. Росс.* Т. II, гл. VII,

стр. 93). Только возникшая вслед за этим война Угрии с Венецией помешала Стефану II немедленно исполнить завещание отца (Gebhardy, LI, 208), а вероятно, и желания его тестя, польского государя Болеслава Кривоустого. Из всего этого ясно, что союз, заключенный в 1108 г. между государями Польским и Угорским (*communes amicos, communes hostes sibi fore promittunt*), скоро принял характер наступательного союза против Юго-Западной Руси. Имелось в виду Галич и Владимир со смежными областями подчинить королю Угорскому, а остальные части обширного Перемышльского княжества предоставить Болеславу Польскому, как бы в замену за отошедший к Угрии Спиш. Эти именно соображения имел в виду Богуфал, когда писал: *castellanium de Spisz Hungariae incorporanda tradidit, et loco ejusdem castellanium Peremislensem nomine dotalitii filiae suae recepit*. Для достижения своей цели Болеслав с 1117 г. стал подстрекать свойственника своего, владимирского князя Ярослава Святополковича, против великого князя Владимира Мономаха, так что последний принужден был прибегнуть к мерам, заставившим Ярослава бежать в Польшу (ср. Gebhardy, LXX, 306, 307, 308; Карамзин, II, гл. VII, стр. 92). Володарь Ростиславич, ужас и бич ляхов (Карамзин, II, гл. VII, с. 93), был в то же время захвачен ими хитростью (ср. Kadlubko, Lips., p. 720, 721) и выпущен на свободу лишь за громадный выкуп с клятвенным обещанием не только не нападать на польские владения, но и помогать Болеславу в предстоящем походе на Русь (Gebhardy, LXX, p. 310, 311; Карамз., II, гл. VII, с. 93, 94). Узнав о планах польского и угорского королей, Владимир Мономах решил предупредить их соединение и послал своего сына Романа, а после скорой его смерти другого сына Андрея во Владимир с поручением перенести отсюда войну в польские владения, чтобы удержать Болеслава от вторжения в Русь. Андрей действительно разорил соседние польские области, но вскоре принужден был возвратиться во Владимир, ввиду того, что Ярослав с поляками осаждал уже г. Червень (Карамзин, II, гл. VII, с. 92, 93). Вскоре прибыл и угорский король Стефан II с угорскими войсками и вспомогательным отрядом чешским. Перемышль занят был Болеславом Польским, конечно, по соглашению со Стефаном II и в виде вознаграждения за отошедший к Угрии Спиш. Союзные войска двинулись далее в Русскую землю и, заняв мелкие укрепления, приблизились ко Владимиру, который был последним оплотом Руси Галицкой и Владимирской. По завоевании последней предполагалось поставить в ней подручника угорских королей – Ярослава Святополковича; но неожиданная смерть последнего расстроила планы союзников. Дружина Стефана II, заметив в нем желание принять в свои руки управление Юго-Западной Русью, так испугалась этой мысли,

что отказала в повиновении своему королю и грозила даже избранием другого в случае его отказа возвратиться домой (Turoczy Chron., cap. LXIII; Pray, Reg. Hung., p. 120): *Domine, quid et quod facis? Si cum multa morte militum tuorum castrum capis, quem ducem constitues? Si inter principes Tuos eligis nullus remanet. Num quid vos vultis regno relicto habere ducatum? Nos barones castrum non oppugnabimus; si oppugnare vis, solus pugna; nos autem in Hungariam recedemus et nobis regem eligemus.* Из этих слов видно, что угорским войском предводительствовал сам король, что в князе Ярославе оно привыкло видеть будущего галицко-владимирского наместника своего короля, что по смерти Ярослава никто из бояр угорских не желал занять его место, что вследствие того король замышлял лично заняться управлением забранного края, что и вызвало ропот и даже угрозы войска. Храбрость осажденных, очевидно, напугала мадьяр. К тому же при дележе добычи могли произойти несогласия, которые и побудили угорского короля заключить отдельный мир с Русью, без заботы об интересах польского союзника. Не удивительно, что поляки должны были отказаться вслед за тем от Перемышльского княжества, за исключением, быть может, лишь незначительных западных его частей; Спиш же прочно утвердился с тех пор во владении королей угорских. Поляки оказались при этом в убытке, что и могло возбудить в них те неудовольствия против угров, о которых упоминают историки польские, угорские и иностранные.

Теперь нам остается привести еще исторические доказательства того, что Спишская земля искони принадлежала Руси, хотя Длугош и относит часть Спиша к земле Краковской, то есть польской.

Из слов Длугоша: *provinciam scepusiensem, quae tunc juris Polonorum fuerat, et pars ejus non modica in terra cracoviensi constitebat*, можно вывести, что он считал вообще Спиш лишь временным (*tunc*) владением польским, но некоторую его часть причислял к земле Краковской, Старопольской. Утверждая последнее, Длугош не ссылается ни на какой древнейший источник. Можно предполагать, что он имел при этом в виду небольшой северо-западный угол Спиша, известный под именем Магуры, где теперь употребляется наречие русско-польское или горальское, и где все церкви латинские, за исключением большого русского села Остурня; можно предполагать, что край этот уже во времена Длугоша был столь ополячен и окатоличен, что польский историк мог признать его искони польскою, а не русскою землей. Но успех ополячения не может сам по себе служить достаточным основанием для подобного утверждения, которое противоречит показаниям всех других древнепольских источников и основанным на них мнениям угорских историков Бенцура, Корнидеса, Голлока и др. Особенно

важно в этом вопросе свидетельство Богуфала, который обстоятельнее других знал и изложил события из истории Спишской земли; он же ни слова не говорит о принадлежности какой-нибудь части Спиша к Польше, а напротив, доказывает, как словами «*de ruthena genitam*», так и всем контекстом речи, принадлежность Спиша к Руси. Это свидетельство Богуфала и всех других древних писателей, за исключением Длугоша, принимается почти всеми новыми исследователями (ср. Gebhardy, *Allg. Weltgesch.* LI, 202); оно подтверждается и другими данными – географическими, этнографическими и церковно-административными, а равно грамотами угорских королей.

Одного взгляда на орографическую карту Западной Галичины и Северной Угорщины достаточно для убеждения, что Спиш не мог в старину принадлежать к воеводствам Освецимскому и Заторскому, от которых он отделен непроходимыми хребтами Татр. Своими речными жилами он находился в естественном соединении с лежащими на севере землями Перемышльского княжества, именно с землей Судецкой (Сандецкой), которой принадлежность к Руси доказана уже выше. Не лишено значения и то обстоятельство, что даже после 1108 г. части Спиша находились в распоряжении государей краковских и судомирских, благодаря, конечно, тесной географической связи Спиша с областями перемышльскими. Этим же объясняются и бесконечные, доныне не поконченные споры мадьяр с поляками за земли Спишскую и Судецкую, то есть западные части Перемышльского княжества. Эти споры начались вслед за занятием Спиша уграми. Серьезный характер приняли они особенно с XIV в., когда Польша, присоединив к себе Юго-Западную Русь, пожелала упрочить свои владения естественными границами, которых она не находила между Русью и Спишем. Польские государи постоянно стремились к занятию Спиша, тогда как короли угорские, наоборот, желали округлить его на севере присоединением к Угрии земли Судецкой. После продолжительных споров заключен наконец был 15 марта 1412 г. в спишском городке Любовне мир между Сигизмундом Угорским и Владиславом Польским, по которому взаимные их границы в Червонной Руси признаны в *status quo*, по крайней мере, на время жизни обоих государей (*in quieta utriusque regni possessione maneunt, lis autem nonnisi post elapsam ab obitu utriusque Regis lustrum suscitari voleat*); за то Молдавскую землю, в случае враждебных действий ее владетеля, предположено было разделить между Польшей и Угорщиной (Wagner, *Anal. Scerpus.* I, 7 sq). Но так как король Сигизмунд сильно нуждался тогда в деньгах, то по новому договору 8 ноября того же (1412) года он уступил за 37 000 пражских грошей Польше весь Спиш, с крепостцами Любовня и Подолинец и всеми принадлежащими к ним селениями; но к этому

присоединено условие, что Спиш может быть выкуплен угорскими королями из залога за сумму, равную вышеуказанному долгу (Wagner, Anal. Scepus. I, 212). Вскоре за тем, именно в 1434 г., угры пожелали воспользоваться этим правом выкупа своего залога, но поляки энергически воспротивились тому. Напрасно угры думали возвратить себе Спиш избранием 8 марта 1440 г. польского короля Владислава на свой престол: хотя Владислав и обязался при этом случае в торжественной грамоте уладить вековые споры поляков с уграми из-за Червонной Руси, Подолья и Молдавии, а Спиш возвратить Угорщине (Castrum Lublio in terra Scepusiensi cum omnibus civitatibus, oppidis, villis, quae titulo pignoris usque ad praesens tempus ratione regni nostri Poloniae pacifice possedimus et tenuimus atque tenemus, promittimus et pollicemur de nostra mera liberalitate statim postquam celebritas coronationis praemissae feliciter facta fuerit et consummata reintegrare et libere restituere regno Hungariae absque quavis pecuniarum praedictarum, in quibus pignori obligata fuerunt, exactione, litterasque quascunque superinde confectas mox post dictam coronationem restituemus etc. См. A Czepusegi XIV városok pragmaticai törtenete. Löczén 1842, p. 87, Palma, Explic. Juris in Russiam Minorem p. 18; Katona, Hist. critica, t. XIII, p. 23), но польские паны помешали выполнению этого условия. Впоследствии споры угров с поляками из-за Червонной Руси, особенно Спиша, возбудили такое раздражение между двумя народностями, что при угорском короле Матвее Корвине издан был даже в 1486 г. закон, запрещавший прием поляков, подобно как венецианцев, в индигенат угорский (Art. 32 de 1486: Item quis Poloni omni arte omnique via et technis conati sunt et semper conantur ad terras et dominia ad S. coronam pertinentia pedem interre et illa usurpare, prout etiam aliquam partem de facto usurparunt. Proinde statutum ac sancitum est sub nota perpetuae infidelitatis, ut nemo regnicolarum audeat illis aut eorum alicui castra portalitia, civitates, oppida, possessiones aut alia bona immobilira vendere, in scribere, impignorare commendare, donare vel aliter qualitercunque dare vel assignare). Есть и другие угорские законы, дышащие ненавистью к полякам из-за дележа Юго-Западной Руси. Так, ст. 11 определений 1751, ст. 15 от 1765 г. требовали возвращения Угории Спиша, но все это не имело последствий до тех пор, пока министр Марии-Терезии Кауниц не составил плана раздела частей Польши между тремя соседними государствами: в 1772 г. Австрия силой заняла Спиш и объявила его собственностью угорской короны, причем и 37 000 пражских грошей (до 800 000 гульденов) не были возвращены Польше, как достаточно покрытые многовековым обладанием Спиша поляками (Fessler, t. X, p. 180; Lassá István Lengyel ország stat, pag. 75). Но этим не окончились споры поляков с уграми из-за Руси: в 1794 г. они вспыхнули

снова в среде депутатов, высланных обеими сторонами для определения границ между угорскими и польскими владениями Австрийского дома: галичане настаивали на принадлежности им Спиша, угры же требовали для себя земли Судецкой, как принадлежавшей некогда Угорщине и организованной при Людовике I Великом под названием *comitatus Ovariensis* (ср. Bardosy, *Supl. anal. terrae Scepus. P. 89, nota 46. Boleslaus denique III terram Scepusiensem ac Premislensem ipsamque Galiciam invalvere quaesivit*; сюда относятся и грамоты у Бардошия на стр. 5, 11, 16, 54, 58, 59, 67, 157, 161, 268). Все эти споры, оконченные лишь в пятидесятых годах XIX века, возникли вследствие общих притязаний как поляков, так и угров, на Юго-Западную Русь, притязаний, которые объясняются главнейше отсутствием естественных границ между Спишем и Перемышльской землей, а следовательно, и географическою принадлежностью Спиша к Руси.

В том же убеждают нас и этнографические данные и соображения. Рассматривая древние грамоты, относящиеся к Спишу, мы часто наталкиваемся на русские названия лиц, селений, гор, лесов и т.д. Так, в грамотах, собранных Бардошием (*Supl. anal. Scepus.*), мы встречаем имена: *Merozlai* (стр. 253), *Ivan et Dan* (стр. 259), *Ivanus iudex* (стр. 262), *Detbor* (стр. 298), *Andreas filius Polyan* (стр. 389). В числе дворянских родов Спиша упоминается Герворд, Герборд, Гербурт, быть может, предок того Гербурта Добромильского, который в письме к папе Павлу V от 1616 г. в таких словах выражался о Руси: *Russi gens mea est, Russia patria nobis communis... Regnum Russiae maximum sex palatinatibus constans, qui non provinciis sed regnis aequiparari possunt. Vicinae nobis sunt gentes Hungariae, Moesicae, Bulgaricae, Graecae, Moschicae innumerae, omnes ejusdem fidei, omnes ad bella notae etc.* (Harasiewicz, *Annal. eccles. ruthenae*, p. 252).

Когда в древних спишских грамотах упоминаются немцы и латиняне, то они всегда называются при этом иностранцами, *hospites*; так, в грамоте короля Стефана 1271 г. читаем: *libertate fidelium nostrorum hospitem Saxonum de Scepus (A nepességi XVIs városok pragm. Története, p. 47)*; в грамоте Карла Роберта 1317 г.: *quod hospites et Saxones nostri dilecti et fideles de Scepus (ibid., 51)*; в грамоте Бёлы 1243 г. при упоминании его брата Коломана, владевшего пожизненно Спишем: *hospitibus nostris in villa Olassi, ... juxta consuetudinem aliorum hospitem (ibid., 61)*; в грамоте Людовика I 1374 г.: *fidelis de S. Ladislao (городок Четверг, нем. Donnersmark) de comitatu Scepusiensi in sua et universorum civium et hospitem nostrorum de eadem personis (ibid., p. 64)*; в грамоте Сигизмунда 1433 г.: *hospitibus ac toti communitati civitatum terrae nostrae Scepus (ibid., p. 83)*.

Встречаются изредка в древних спишских грамотах упоминания и словаков, но и они именуются иностранцами, *hospites*: так, в грамоте, данной словакам деревни Томаши в 1278 г., они названы *hospites slavi* (Biderman, Ungar. Ruthenen, II, 80); то же название прилагается к ним и в грамоте Белы IV 1258 г., касающейся спишской территории Надость: *quod cum terram Nadosth in Scepes hospitibus Slavis dederimus, ut nobis de eadam censum solvant* (Bardosy, *supl. anal. Scepus*, p. 91). Горсть мадьяр, обитавших некогда в Спише, также упоминается в числе иностранных поселенцев в грамоте 1280 г., касающейся доходов духовенства: *Hungari, Saxones, Slavi, Latini* (Fejer, *Codex diplom*, V. 3, 41). Что касается поляков, то их не было в Спише, кроме северо-западного угла Магуры и городков Любовня и Подолинец, причем жители двух последних колонизованы из немцев не ранее XVII в. (Biderman, Ung. Ruthenen, I, 10).

Итак, коренным населением Спиша были русские: они и теперь этим именем зовут свою народность и славянскую церковь, несмотря на вековой гнет мадьяр и поляков, осыпавших льготами спишских немцев, словаков и латинников на счет подавленных русских автохтонов Спиша. Лишь в ближайшем соседстве латинских монастырей, основанных мадьярами и поляками, совращены были русские спишаки в римскую церковь, а с тем вместе пострадал и их язык; по внушению латинских ксендзов, эти окатоличенные спишаки стали называть себя с конца XVIII века словаками, хотя их говор резко обличает их русское, а не словенское происхождение: даже слово «словак» не умеют они выговорить правильно по-славянски, с протяжением второго слога, как, например, говорят их липтовские соседи, а зовут себя словаками. Еще менее могут они выговорить: трсть, прши и т.п.; вместо словенских же смрек, смречна спишаки говорят: смерек, смеречна. Они помнят, что они не коренные липтаки (то есть словаки) и что деды их лишь в недавнее сравнительно время перешли из русской веры в латинскую. Вообще спишское наречие по слогаударению своему не имеет ничего общего с говорами словенскими, напротив, оно не отлично почти от просодии угорских и галицких русских, именно западных лемков. То же самое отличие от словаков и сходство с русью замечается в одежде, постройках, занятиях и самом телосложении спишаков, так что в их русском происхождении нельзя бы сомневаться и в таком случае, если бы они все олатинились: между тем до 30 000 душ и теперь еще сохраняют в Спише свой русский язык, русскую церковь и русское имя (ср. *Schematismus cleri dioecesis eperjesiensis*).

Таким образом, в географии и этнографии Спиша мы находим подтверждение исторических свидетельств о древней принадлежности Спиша к Русской земле; то же доказывают и церковно-административные ее отношения.

Принадлежность коренного населения Спиша к восточной церкви явствует из приведенной выше грамоты 1280 г. (Fejer, Cod. dipl. V. 3, 41), по которой лишь иностранные поселенцы (*hospites*) Спиша (мадьяры, немцы, словаки, латиняне) вступили в добровольную сделку с латинским духовенством относительно платежа ему десятины, но в том же году встречаем и некоторых русских жителей Спиша подчиненными Остригонскому архиепископу и латинским священникам, то есть совращенными в унию, причем обряды восточной церкви и даже причащение под двумя видами были строго сохраняемы. Между этими спишскими униатами (преимущественно из среды *nobiles lanceati*) и латинниками возгорелась потом такая вражда, что первым запрещено было строить свои церкви и содержать особых священников, после чего эти униаты перестали крестить своих детей, причащаться перед смертью и принимать елеосвящение, как это видно из грамоты архиепископа Владимира от 1280 года: *et ex praedictis nobilibus propter inhabentiam sacerdotis eorundem sine confessione ac sine communicatione corporis et sanguinis D. N. Jesu Christi nec non sacra unctione semel, medius et tertius homines essent expirati, atque infantes baptismatione carentes emigraverunt et per cives praedictae civitatis multas blasphemias ad ecclesiam procedentes passi fuissent* (Wagner, Anal. Scepus, I, 111). Ссоры дошли до взаимных проклятий, даже драк возле латинской церкви в городке Четверг (мадьяр. Csütörtök, нем. Donnerstagmark, лат. Oppidum S. Ladislai), которая, по моему личному исследованию, построена была в два яруса: для русских под землей и для немцев над землей. Для примирения враждовавших явился в Спиш сам Остригонский архиепископ Владимир, происходивший, кажется, из русских бояр или даже князей; в виде особенной милости он дозволил униатским дворянам построить особую, хотя лишь приписную, церковь и иметь своего священника, как это видно из грамоты, изданной этим архиепископом в 1280 г. (Wagner, Anal. Scepusii, I, 111). Но установленный им в Спише мир не был продолжительным: в 1286 г. русские жители Спиша, соединившись с болгарами и кунями (вероятно, с румунами и половцами, составлявшими значительную часть войск короля Владислава IV), а равно с другими православными, произвели опустошительное нападение на владения латинского духовенства, особенно Спишского монастыря (*capitulum Scepusiense*): в церкви этого монастыря размещены были лошади восставших; монастырские грамоты были уничтожены, даже печать отобрана. Король Владислав IV, находившийся тогда в Спишском замке, был свидетелем всех этих опустошений, но не препятствовал им по вражде с папами и сочувствию к православию: *Cum rex Ladislaus piae recordationis terram Scepus intrasset et in suburbio castr*

de eadem descensum habuisset, timore Dei postposito gens Bulgarorum, Cumanorum et aliorum achismaticorum ecclesiam beati Martini invadentes et eandem ac sacristiam concellarent et cum equis conculcassent, et etiam quam plurimorum nobelium instrumenta litteralia simili modo condemnata extitissent, in grande praedudicium ejusdem ecclesiae s. Martini et gravamen (ср. Wagner, Anal. Scepus, III, 14). Достоверность этого происшествия подтверждается и заявлением Спишского монастыря об изготовлении новой печати, которой решено пометить все изданные прежде монастырем грамоты (Bardosy, Supl. anal. Scepus, 259); о том же свидетельствует, кажется, и заявление спишского города Левочи об уничтожении татарами (вероятно, куманами), русскими и другими враждебными народами древних грамот этого города, что могло случиться при вышеупомянутом восстании спишских православных или другом подобном (см. Bardosy, Supl. anal. Scepus, p. 400); то же подтверждает и грамота угорского короля Андрея III от 1290 г.: quod tempore domini Ladislai Regis patruelis fratris nostri ipsa ecclesia B. Martini per insultas Cumanorum et neugerorum miserabiliter extitisset spoliata et camera ejusdem ecclesiae confracta ac omnia bona praedictae ecclesiae fuissent ablata et instrumenta ac privilegia super possessionibus ecclesiae suae confecta enormiter pedibus equorum contrita etc. (Wagner, Anal. Scepus, I, 303).

Православное население земли Спишской со времени крещения своего при Владимире Святом всегда принадлежало к митрополии Киевской, именно к епархии Самборско-Перемышльской: об этом свидетельствуют древнее народное предание и древние антиминсы уцелевших в Спише русских церквей, освященные почти исключительно Самборско-Перемышльскими епископами или даже Киевскими митрополитами; то же доказывает и вышеупомянутый доклад папе в XVII в. о положении униатского дела в присоединенных к Польше, Литве и Угорщине частях Руси (nam etiam Hungariae nonnullae et Scepusiensis capitaneatus non procul Cracovia civitate ad eum, то есть episcopatum Premislensem pertinet. Harasiewicz, Annal. eccl. Ruthenae, p. 303). Между тем известно, что власть русской иерархии не распространялась за пределами Русского государства, так как это вызвало бы большое сопротивление и соседних епископов, и Цареградского патриарха, всегда наблюдавшего за неприкосновенностью епархиальных границ. Это служит новым подтверждением исторического факта принадлежности древнего Спиша к Руси не только в народном, но и в государственном смысле.

Остается теперь доказать, что и угорские короли смотрели на Спиш как на землю искони русскую. Подтверждение тому находим в их трактах с польскими королями касательно Юго-Западной Руси: Спиш обыкновенно причисляем был при этом к княжеству или королевству

(под управлением короля Коломана) Галицко-Владимирскому, что подало даже, как мы видели, историкам угорским повод искать Спиш не под Татрами, а на востоке, в окрестностях Галича. В договоре Сигизмунда Угорского с Владиславом Польским 1412 г. касательно Юго-Западной Руси говорится очень обстоятельно и о Спише; то же находим и в условиях избрания в угорские короли Владислава Ягеллона в 1440 г. На правах угорской короны на Русь основывала и Мария-Терезия свои притязания на Спиш, когда присоединила его в 1772 г. к Угорщине: потому-то и первыми губернаторами Австрии в Галичине были угры – гр. Гадик и Юрмений (Ürményi).

Важен в истории Спиша тот эпизод, когда Коломан, сын угорского короля Андрея II, принял титул короля Галицко-Владимирского; по изгнании из Галича, он удержал титул русского короля, а с ним и владение в Спише, как это явствует из вышеупомянутой грамоты Белого IV от 1243 г. (*A Szepesegi XVI. Városok pragmatikai története*, 61), затем из его же грамоты от 1269 г., где подтверждаются вклады спишскому цистерцианскому монастырю *de consensu fratris nostri Colomanni Regis* (Wagner, Anal. Scep. I, 391), и, наконец, из грамоты угорской королевы Елисаветы 1279 г., где прямо говорится, что Спиш принадлежал до смерти русскому королю Коломану (*Colomanni regis inclytæ recordationis, qui dum adhuc viveret, terram Scepus possederat asque ad vitam suam* (Wagner, Anal. Scep. I, 299).

В некоторых грамотах угорских королей Спиш причисляется к частям Угорской Руси (*Russia hungarica*); дорога же через Спиш ведет, по словам грамоты, в направлении к Угорщине, в состав которой, следовательно, он не входил непосредственно; так, в грамоте Бела IV от 1243 г., пожалованной некоему Герварду, мы читаем: *vice quondam in Russia, quae vocatur hungarica, nobis nostrisque baronibus in expeditione praesentibus laudabiliter dimocavit... dahinc et super fluvium Dones* (то есть Дунаец на границе Спиша) *perstitit in conflictu* (Bardosy, Supl. anal. Scep. 150 p.); в жалованной же грамоте угорского короля Андрея III от 1297 г., данной канонику Марку, публичная дорога, проходящая мимо спишского селения Коритника, названа ведущей в Угорщину: *usque ad unam viam, qua itur versus Hungariam* (Bardosy, Supl. anal. Scep. P. 419 sq.).

Из приведенных исторических, географических и этнографических данных, подтвержденных как древнейшими грамотами, так и хрониками польскими и угорскими, с полной несомненностью можно заключить, что граница русской народности и государства в X и даже XI вв. проходила не по Сану, даже не по Вислоку или Вислоке, как утверждают некоторые тенденциозные писатели новопольские, а по линии от Кракова до хребтов Татр и далее по их гребню до северо-восточного угла нынешнего Липтовского комитата в Угорщи-

не. Таким образом, здесь древняя Русь соприкасалась с государством Великоморавским, а по его падении – с государством Чешским (см. Летопись материцы словенской, год XII, вып. 1, стр. 23). Граница между древней Русью, именно входившим в ее состав племенем белых хорватов, и Чешским государством проходила в век Владимира Святого по водораздельному кряжу между течением рек Вага и Грона, то есть по отрогам гор Фатры, примерно по южным границам нынешних комитатов Липтовского, Оравского, Турчанского, Нитрянского и Коморнянского. С Угорским государством Русь соприкасалась в то время по Дунаю между городами Остригоном (Gran) и Вацовом (Waizen); затем по низменностям, обрамляющим горы Вацовские и Матру, мимо г. Ягра (Egau) до р. Шаявы или Солной; далее по этой реке до Тисы, ее ложем до впадения Сама (Szamos), вверх по течению последнего в нынешней Сатмарской области, и в Семиградье возле Самош Уйвара, до смежных Семиградских Альп, которые преп. Нестор не без основания называл горами Угорскими: здесь утвердились первоначально угры, оставившие свое имя Угровлахии: отсюда спустились они в Семиградье и в долину Среднего Дуная.

Доказательства такого очертания древнейших западных границ Руси в странах закарпатских представлены будут в особой статье.

А. И. Д.

Источник: Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССVIII. 1880. С. 134-159.

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org>

Сайт создан в 1999 г. для противостояния ставшей официальной националистической версии истории на Украине. Содержит материалы по истории украинского раскола, создания «мовы» и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных критиков украинской идеи (С. Сидоренко).